

АНДРЕЙ ПАТКУЛЬ

Понятие региона в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера

Едва ли не важнейшей заслугой феноменологии в метафизическом плане может считаться если не первое обнаружение, то новое обоснование того, что различные предметные области имеют различный статус, будучи несводимыми друг к другу или тем более к какой-то одной из них. Этому соответствует возобновление понимания того, что каждая из такого рода областей уже должна осмысляться в особой, только с ней соотносящейся системе категорий, которая может оказаться неприменимой к другим предметным областям. Именно данное обстоятельство продемонстрировало то, что вполне естественная для конечного разумения тенденция редуцировать всякое существование к какому-то одному типу, а по нему в свою очередь мерить все прочие виды существования является метафизически неадекватной, требуя строгой фиксации и основательной критики. Феноменологическая философия в силу этого в самом своем начинании направлена против безудержного продуцирования того, что, например, Г.Г. Шпет называл «провинциальными мировоззрениями», в которых сущее в целом поочередно истолковывается из определенного его «угла» — будь то по образцу механистически понятой природы или по образцу природы живой, будь то по образцу «экономического базиса» или языка¹.

Нет никакого сомнения, что в негативном плане наиболее ярко неприятие подобного рода редуccionизма воплощается в рамках феноменологической философии уже в гуссерлевской критике натурализма как философского принципа в том виде, в каком она разворачивается, скажем, в «Философии как строгой науке», поскольку сведение всякого существования к существованию по типу природного, а всякого познания — к познанию по типу математического естествознания заведомо упускает множество других областей, способных стать предметом самого

¹ Ср.: Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. С. 10.

строго научного познания, как, например, сознание, сфера идеальных предметов, исторической действительности, наконец, «самих вещей», в широком объеме данных нам в непосредственном созерцании. (То же могло бы быть отнесено и к историзму, но здесь для создателя современной феноменологии оказывается все же более значимым другой мотив, а именно: последовательный историзм вообще с необходимостью приводит к релятивизму и скептицизму.) Очевидно, что выявление Хайдеггером естественной тенденции *Dasein* понимать всякое бытие, в том числе всякий раз свое экзистирование, по образцу бытия только наличного является продолжением гуссерлевской критики натурализма, хотя модально служит у Хайдеггера несколько иным целям.

Исходя из этого, можно сказать, что понятие региона в феноменологии вводится как техническое понятие, позволяющее отчетливо обозначить проблематику различия и несводимости друг к другу предметных областей.

Показательным образом данное понятие вводится Гуссерлем в «Идеях I». Так, в § 9 «Регион и региональная эйдетика» он пишет: «Любая конкретная эмпирическая предметность вместе со всеми своими материальными сущностями подчиняется соответствующему *наивысшему* материальному роду, „региону“ эмпирических предметов»². Единство региона, согласно Гуссерлю, является эйдетическим. Как он сам выражается, региональный эйдос «как бы репрезентирует *необходимую материальную форму* всех предметов региона»³.

Региональное определение оказывается в качестве эйдетического данным заранее, до эмпирического отношения к отдельными предметам, входящим в состав региона. Вот как реконструирует в этой связи гуссерлевское понимание сущности региона в своей работе «Регионы бытия и региональные онтологии в феноменологии Гуссерля», на которую автор настоящей статьи во многом опирается, Л. Ландгребе: «Всякая наука обладает своей областью в качестве совокупности предметов опыта, и она не дает эту область себе сама. Но эта область оказывается для нее уже предданной за счет того, что в опыте сущее предлагает себя в этой структуре сравнимости и различенности. Она *a priori* предшествует опытной науке и ограничивает область ее спрашивания. Гуссерль обозначает совокупность предметов каждой возможной опытной науки в их содержательной взаимопринадлежности, в которой они всякий раз составляют область некоторой науки, как регион»⁴.

Понятие региона неразрывно связывается Гуссерлем с понятием *категории*, то есть определенным образом связанной совокупности харак-

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 37.

³ Там же.

⁴ Landgrebe L. Seinsregionen und regionalen Ontologien in Husserls Phänomenologie. In: Landgrebe L. Der Weg der Phänomenologie. Das Problem einer ursprünglichen Erfahrung. Güterloh: Güterlohiger Verlagshaus Gerd Mohn, 1963. S. 144.

теристик, которая конституирует региональную определенность. Однако в понятии категории заключается фундаментальная двусмысленность. Чтобы обозначить ее, можно воспользоваться словами самого философа: «Категория — это слово, которое, с одной стороны, в словосочетании „*категория такого-то региона*“ отсылает именно к соответствующему региону, например к региону „физическая природа“; с другой же стороны, сопрягает соответственно определенный *материальный регион с формой региона вообще*, или же, что равнозначно, с *формальной сущностью „предмет вообще“* и принадлежащими к нему „*формальными категориями*“»⁵.

Итак, для Гуссерля понятие категории может иметь двоякое значение: с одной стороны, если проделать обратный произведенному в гуссерлевской цитате ход, это — формальная категория. Совокупность формальных категорий характеризует то, что автор «Идей» называет «формальным регионом» и о котором говорит, что «он, собственно, не регион, а пустая форма региона вообще...»⁶. В § 59 «Идей I» Гуссерль называет этот формальный регион также *квазирегионом*⁷. По сути, под формальным регионом, или квазирегионом, он понимает *предмет вообще* — «все и каждое, и для всего этого могут быть установлены бесконечно разнообразные истины, распределяющиеся по всему множеству дисциплин матезиса»⁸. Предмет вообще Гуссерль называет также «некое нечто». Все разнообразные истины о «нечто вообще», правда, могут быть сведены к основным логическим истинам, в которых на деле выражаются формальные категории, а эти последние, в свою очередь, на этом основании трактуются также и как *логические категории*⁹. Важнейшим свойством категорий предмета вообще выступает то, что они являются *аналитическими категориями*. (В качестве примеров аналитических категорий в «Идеях I» приводятся свойства, качества, положения дел, отношения, тождества, множества

⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 39.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Уместным будет здесь сделать два существенных замечания. Во-первых, надо признать, что формулировка «регион», даже с добавлениями «формальный» и «квази», является несколько сбивающей с толку в отношении понятия «предмета вообще», так как по самому смыслу своему понятие региона должно указывать на отдельность, особенность. Тогда с какого рода обособленностью можно иметь дела в случае предмета вообще — с обособленностью его от непредметного? Но это и противомысленно. А во-вторых, особо следует указать на подозрительность той легкости, с которой у Гуссерля «предмет вообще» определяется через *логические категории*, а стало быть, заведомо вводится в порядок логического, например, как субъект возможных предикаций. Легкость эта сама ставит себя под подозрение тем, что в других интерпретациях у Гуссерля понятие предмета вообще связывается с формально-эстетическим — указанием на последнее обстоятельство автор статьи обязан работам Г. И. Чернавина. Так что естественным образом возникает версия о «считаности» логического понятия «предмет вообще» (то есть предмета как субъекта возможных предикаций) с трансцендентально-эстетических определений «вещи природы».

целого и части и др. Им вместе с тем соответствуют категории значения, принадлежащие сущности апофансиса. Так что «чистые истины значения можно обратить в чистые истины предмета»¹⁰.)

Формальным категориям, с другой стороны, у Гуссерля противопоставляются материальные или в собственном смысле региональные категории. Таковые относятся уже не к некоторой универсальной форме, а всякий раз к какой-либо определенной предметной области, определяя ее в качестве такой-то, а не иной. То, что выражается материальными категориями, можно также понять в качестве родовой сущности. Гуссерль пишет: «Всякая региональная сущность определяет „синтетические“ сущностные истины, то есть такие, какие основываются в ней как такой-то родовой сущности, не будучи при этом простыми обособлениями формально-онтологических истин»¹¹. То, что региональные категории оказываются синтетическими, в отличие от аналитических истин квазирегиона «предмет вообще», является их существенной характеристикой. «Итак, региональное понятие и его региональные разновидности не могут свободно варьироваться в этих синтетических истинах, замена относящихся сюда определенных терминов терминами неопределенными не дает формально-логического закона, подобно тому, как это характерным образом имеет место во всех „аналитических“ необходимостях»¹². Иными словами, то, что заранее принадлежит некоторому региону и выражается в его специфических региональных категориях, не может принадлежать другому региону и выражаться в его категориях. Также Гуссерль вводит понятие «региональная аксиома», намеренно соотнося его с кантовским понятием о синтетических познаниях *a priori*. Резюмировать гуссерлевские рассуждения по этому поводу можно было бы посредством следующего пассажа из § 16 «Идей I»: «„Синтетические основополагающие понятия“, или категории, были бы тогда региональными основополагающими понятиями (существенно сопряженными с определенным регионом и их синтетическими принципами), и у нас было бы столько же различных групп категорий, сколько регионов мы различали бы»¹³.

Вместе с тем специальное отделение категориальности в синтетическом смысле и введение еще нескольких технических терминов, таких как род, вид, конкрет, индивид и др.¹⁴, позволяют мыслителю дать более строгое определение понятия «регион». В это определение интересующего нас понятия, благодаря введенным ограничениям, уже не привхо-

¹⁰ Там же. Радикальная обратимость истин предмета и истин апофансиса должна мотивировать актуализацию вопроса о соотношении онтологии и логики в феноменологии — вопроса тем более интересного, что у него всегда сохраняется фон обоснования отношения логики и онтологии по типу абсолютно идеалистического. Фон, который вряд ли мог бы открыто быть признанным феноменологией за собой.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 48–49.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Относительно этих понятий см. § 11–15 «Идей I». Там же. С. 41 и сл.

дит момент формального «предмета вообще»: «Регион есть не что иное, как совокупное, принадлежащее к одному конкрету, наивысшее родовое единство, следовательно, сущностно единое сочетание наивысших родов, принадлежащих низшим дифференциям внутри конкрета. Эйдетический объем региона охватывает идеальную совокупность конкретно единящихся комплексов дифференциаций этих родов, индивидуальный объем — идеальную совокупность возможных индивидов такой-то конкретной сущности»¹⁵.

Важно подчеркнуть, что, вопреки различию формальных категорий как аналитических и содержательных региональных категорий как синтетических, принципиально общим для тех и других является то, что категории обоих типов суть априорные категории.

А это значит, что так или иначе региональные различия и идентификация предмета как предмета вообще всегда уже проведены. Но, пожалуй, именно специфика феноменологической методологии позволяет не только наивно различать регионы — различия эти стихийно могут быть проведены до всякой философии или неадекватно показаны в дофеноменологических вариантах последней, — но и рефлексивно указывать принцип их различия, то есть различать регионы, исходя из первоначал. Принципом, из которого в феноменологии демонстрируется обоснованность различия регионов, является интенциональность сознания. А именно посредством данного понятия, специфическое использование которого во многом предопределяет особенность феноменологической философии, оказывается возможным четко различать интенциональный предмет, то есть предмет в аспекте его данности сознанию, и сам акт интендирования, сам способ данности этого предмета. В контексте проблемы региональности в феноменологии это означает, что феноменологическая техника позволяет показать, как содержательная определенность регионов и их образующих категорий задается конституирующей активностью сознания. В частности, показать, что они не только зависят от конкретного способа данности сознанию, но и наперед заданы им, однако так, что наивное, нефеноменологическое сознание воспринимает содержательные определенности регионов в отрыве от конституирующей деятельности сознания, преднаходя их в себе уже как совершенные. И в этом отношении — как не подлежащие дальнейшей проблематизации.

В конечном счете проблема поиска предельного основания различения регионов и определения принадлежащих им категорий подводит к одной из самых важных проблем феноменологии — проблеме конституирования. В упомянутой уже статье Л. Ландгребе именно данная проблема предъявляется как едва ли не центральное место всей проблематики региональности в феноменологии. В частности, он констатирует: «Различие регионов бытия получается, таким образом, не посредством простого отображения сущего и его различий, но только в оглядке на кор-

¹⁵ Там же. С. 48.

реляцию данного к способу его данности для сознания. В этом смысле Гуссерль говорит о конституции сущего, что не предполагает просто его внутреннее свойство, но способ явления для направленного на него, имеющего его в качестве своего предмета сознания»¹⁶.

По свидетельству Ландгребе¹⁷, которое нельзя не признать справедливым, гуссерлевские «Идеи II» как раз и представляют собой проект исследования по конституированию определенных регионов сущего — программа, заявленная в первом томе труда, обретает свое частичное воплощение во втором. Здесь, пожалуй, неуместно даже в общих чертах реконструировать ход гуссерелевских размышлений в этой связи. Необходимо только, во многом следуя за Ландгребе, отметить два проблемных места, неизбежно возникающих при специфически феноменологическом подходе к разработке конституирования регионов сущего. Во-первых, важно, учитывая конституированный характер региональных различий, помня, что конституитивный анализ всегда будет различать конституирующее и конституированное, поставить вопрос о самой конституирующей инстанции — сознании. А именно о том, является ли оно само регионом, правда преимущественным, «по милости» (Ландгребе) которого «существуют» все прочие регионы как регионы. И тогда вся проблематика региональности должна быть отнесена и к сознанию как региону. Или же упреждающая всякие региональные различия и конституирующая деятельность сознания не имеет уже регионального смысла, но тогда необходимо прояснение собственного статуса дорегиональности сознания. А во-вторых, под вопрос должен быть поставлен относительный приоритет природы как базового региона, как *нрарпредмета*, поскольку, как показывает Гуссерль, в частности, во втором томе «Идей» само понимание бытия природы как объективного по себе бытия является результатом субъективного конституирования: у него «по себе бытие природы является... продуктом метода объективирования»¹⁸. В каком смысле может тогда допускаться объективированность природы как региона, над которым надстраиваются все прочие? Здесь поводом для вопроса сможет послужить то обстоятельство, что в таком контексте невозможно было бы исключить ни переноса характера конституирующей инстанции на первично конституируемое, ни, наоборот, скрытого перенесения конституитивных характеристик природы и вещей природы на конституирующее их сознание.

Удивительным образом гуссерлевское понимание регионов и принципа их разделения оказывается подходящим для «переформулировки» (К. Ф. Гетман) феноменологической программы у Хайдеггера, для которо-

¹⁶ Landgrebe L. Seinsregionen und regionalen Ontologien in Husserls Phänomenologie. In: Landgrebe L. Der Weg der Phänomenologie. Das Problem einer ursprünglichen Erfahrung. Güterloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1963. S. 146.

¹⁷ Vgl. ebenda. S. 148ff.

¹⁸ Ebenda. S. 153.

го, судя даже по названию его собственного центрального проекта, онтологическая проблематика оказывается вообще ведущей. Такая согласованность, пожалуй, обусловлена возможностью прямого наложения хайдеггеровского различия бытия и сущего на классическое феноменологическое различие интенционального акта и интенционального предмета. С той оговоркой, что, конечно же, у Хайдеггера меняется сам смысл онтологического по сравнению с Гуссерлем. Если у предшественника разработчика фундаментальной онтологии сама характеристика контекста, в котором берется проблематика различия регионов, в качестве онтологического весьма случайна — она соответствует, скорее всего, категориальной теории предмета вообще и основных предметных областей, — то у Хайдеггера вопрос напрямую ставится о конкретном *бытии*, *способе бытия* того или иного региона, который недвусмысленно трактуется им как регион *сущего*.

Сам Хайдеггер в такой постановке вопроса видит свой исторический шаг вперед по сравнению с предшествующей феноменологией, прежде всего феноменологией Гуссерля, поскольку в ней был упущен вопрос о бытии, в том числе вопрос о бытии самой конституирующей субъективности¹⁹.

Основанием же возможности такого сближения оппозиций бытие/сущее и интенциональный акт/интенциональный предмет выступает сама модификация понятия конституирования у Хайдеггера в специфическом онтологическом контексте. Это очень хорошо можно увидеть, взглянув на формальное определение бытия: «*Спрошенное* подлежащего разработке вопроса есть бытие, то, что определяет сущее как сущее, то, в виду чего сущее, как бы оно ни осмыслялось, всегда уже понято»²⁰. Итак, бытие для данного философа — это то, что определяет сущее как сущее, но определение сущего осуществляется не в порядке самого сущего, как если бы оно производилось в метафизическом контексте неким сущим *per se*, например, в смысле творения, возведения к бытию. Бытие определяет сущее исключительно в человеческом понимании бытия: само бытие не есть сущее, но оно дано (*es gibt*) и в этой данности всегда уже определило сущее *как* сущее. Ф.-В. фон Херрманн комментирует это следующим образом: «Само определение (*das Bestimmen*) имеет свое место в бытийном понимании. Бытие, в направлении которого мы в отношении к сущему всякий раз поняли таковое как сущее, определяет сущее в пределах нашего бытийного понимания. Определение сущего как сущего есть некоторое свершение в округе бытийного понимания»²¹.

¹⁹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. § 12, 13. Томск: Водолей, 1998. С. 116 и сл.

²⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 6.

²¹ Herrmann F.-W. v. Hermeneutische Phänomenologie des Daseins. Eine Erläuterung von Sein und Zeit. Bd 1. Einleitung: Die Exposition der Frage nach dem Sinn von Sein. Fr. A. Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1987. S. 60.

Применительно к проблематике региональности сказанное оказывается значимым в связи с другим важнейшим тезисом Хайдеггера — тезисом о различии способов бытия различного рода сущего, так называемым тезисом о возможных модификациях бытия и единства его многообразия. Согласно этому тезису, сущее должно различаться не только своим «что», эйдосом, родовой сущностью, как полагала прежняя онтология, сводя все способы бытия к одному — наличию, но и своим способом быть. В форме риторического вопроса Хайдеггер формулирует этот тезис в «Основных проблемах феноменологии» 1927 года следующим образом: «Каждое сущее имеет некоторый способ быть. Вопрос в том, носит ли этот „способ-быть“ в каждом сущем один и тот же характер — как это полагала античная онтология и, в сущности, вынуждена утверждать и последующая философия вплоть до сего дня — или отдельные способы бытия различаются между собой»²². Хайдеггеровская позиция представлена вторым случаем: сущее различается также и по способу своего бытия.

Поскольку же бытие — это то, что определяет сущее как сущее, различие способов бытия для Хайдеггера выступает первым основанием для различия регионов, которые выступают для него в качестве именно регионов так-то и так-то сущего. Поскольку же бытие как определяющее сущее и его различные регионы имеет место в упреждающем понимании его человеческим *Dasein*, постольку членение сущего на регионы в конечном итоге также возводится к уже состоявшемуся пониманию выделения способа бытия каждого региона. Для Хайдеггера, как и для Гуссерля, основание выделения регионов *априорно*, только роль конституирующей деятельности здесь выполняет не сознание, осуществляющее интенциональные акты, а человеческое понимание, точнее говоря, человеческое *Dasein*, бытие которого состоит в понимании бытия.

Для обоих философов собственная определенность региона связывается с категориями — теми базовыми определенностями, посредством которых достигается единство регионального. Исток, из которого, с точки зрения Хайдеггера, черпаются понятия о такого рода определенностях, — это доонтологическое (смутное, усредненное, еще не приведенное к своему полному смыслу в научной онтологии) понимание бытия, упреждающее всякий возможный опыт сущего, соответственно, опыт сущего такого-то и такого-то региона. Как и для его учителя, для Хайдеггера принципиальным оказывается априорный характер различения регионов, поскольку само это различение в его случае предопределено пониманием бытия, а это понимание всегда уже в онтологическом смысле предшествует сущему. Надо, правда, оговорить, что для этого мыслителя не всякий регион сущего имеет соответствующий категориальный состав, но только такой, который определен в качестве и предметного «что», и в смысле особенности способа быть. Так, человеческое *Dasein*,

²² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: ВРФШ, 2001. С. 22.

в отношении которого Хайдеггер выставляет тезис о том, что его сущность заключается в его бытии (то есть экзистенции), а не в некотором предметном «что», не может быть понято в категориях и категориально описано. *Dasein* человека может быть описано исключительно по способу бытия посредством *экзистенциалов*. Правда, различение категориального и экзистенциального позволяет ему уточнить и онтологический смысл категориальности: «В онтологическом применении термин означает: как бы высказать сущему начистоту, что *оно* всегда уже есть как сущее, то есть дать для всех его увидеть в его бытии. Высматриваемое и видимое в таком показании есть *καθηγορία*. Они охватывают априорные определения сущего, по-разному открытого для рассмотрения и обсуждения в логосе»²³. В итоге он признает, что «экзистенциалы и категории суть две основовозможности бытийных черт»²⁴.

Впрочем, даже при этих различиях в понимании категориального у Гуссерля и Хайдеггера обоим представителям феноменологической философии должен быть адресован вопрос, артикулирующий определенную двусмысленность в проблематике конституирования региональных различий, а именно вопрос о том, на каком именно уровне достигается первичное деление регионов и разведение соответствующих региональных категорий — уже на донаучном или только на научном. А это затруднение, в свою очередь, подводит к другому — его допустимо здесь сформулировать в хайдеггеровской терминологии. Проблема состоит в следующем: применимы ли региональные различия только к сущему как уже тематизированному и опредмеченному, соответственно понятому как «в широком смысле наличествующее» для возможного изучения наукой, или же стихийное различие регионов производится уже до всякого тематизирующего опредмечивания на уровне фактического понимания вообще²⁵. В последнем случае различие на донаучном уровне могло бы отличаться от научного различия только степенью отчетливости и обоснованности, а философская наука, наоборот, показывала бы, как естественно различенное может быть обоснованно различено из начал.

²³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 44–45.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Автору настоящей статьи довелось достаточно основательно полемизировать по этому вопросу с И. Н. Инишевым, который в полемике отстаивал тезис о принадлежности, по крайней мере в случае Хайдеггера, региональных различий исключительно в сфере наличного сущего. Тогда как такое основополагающее в хайдеггеровской онтологии различие, как различие самого наличного и подручного, с точки зрения Инишева, не имеет регионального характера. Оно осуществляется в пределах нетематического опыта сущего. Это различие, по мнению Инишева, позитивно носит *медиальный*, а не региональный характер. И хотя автор данной статьи отстаивал в полемике противоположную точку зрения, даже сейчас он не может признать спор завершенным: возможно, его разрешение зависело бы от конкретных перспектив, в которых он ставится исходным образом.

Указанный вопрос является принципиальным, поскольку только ответ на него может показать как «естественность» уже осуществленного деления сущего на области, так и возможность собственно научного обоснования уже проведенных различий. Вопрос мотивирован тем, что именно в феноменологии различение регионов возводится к конституирующей деятельности сознания или понимания, что в итоге ставит под сомнение произвольность самих региональных делений. Достаточно очевидным кажется представление, согласно которому имеет место стихийное различение регионов, всецело упреждающее науку. Каждая отдельная наука уже пользуется им, когда утверждает за собой ту или иную предметную область. Более того, для Хайдеггера нет никакого сомнения, что регионы нельзя дедуцировать из некоторого принципа и подчинить этой дедукции философскую систему — тем более что искомым в философии являются вещи, а не системы. Регионы различены так, как их различение сложилось исторически, но не так, как им предписали различие философ и позитивный ученый.

Но, с другой стороны, в самих науках также производится первичное осмысление соответствующих предметных областей, результатом которого оказывается образование основных понятий, конституирующих эти области. Хайдеггер говорит в этой связи о *самообосновании некоторой позитивной науки*²⁶: такое самообоснование покоится на предварительном раскрытии соответствующей предметной области по характеру ее бытия, которое он называет *тематизацией* предметной области²⁷. А тематизация предметной области сама в свою очередь может быть достигнута только посредством того, что Хайдеггер называет *опредмечиванием* (*Vergegenständlichung*). К. Ф. Гетман комментирует это хайдеггеровское понятие так, что вряд ли можно было бы что-то еще к предложенному комментарию добавить: «Модификацию донаучно-жизненномирного (*worwissenschaftlich-lebensweltlichen*) обхождения со „средством“ от бытийного характера подручности к наличности Хайдеггер обозначает в лекции „Феноменологическая интерпретация“ («Феноменологическая интерпретация „Критики чистого разума Канта“». — А. П.) как „опредмечивание“ — понятие, которое отсутствует в „Бытии и времени“»²⁸. Опредмечивание, таким образом, предшествует тематизации, которая оказывается осуществимой только в совокупной области наличного, выделяя в нем определенные регионы. Но само наличное как таковое при этом уже не может выступать в качестве региона по противоположности, например, подручного, также регионом не являющегося. Но не будет ли это вместе с тем означать и то, что всякое региональное деление уже требует пред-

²⁶ Vgl. Heidegger M. Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Gesamtausgabe. Bd. 25. Fr. a. M., 1977. S. 18ff.

²⁷ Ср.: Heidegger M. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. § 696. С. 356 и сл.

²⁸ Gethmann C. F. Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phänomenologischen Kontext. Berlin, New York: De Gruyter Verlag, 1993. S. 184.

шествующего ему опредмечивания, а стало быть, и в самом деле относиться исключительно к сущему как наличному. И значит, регионы сущего есть не что иное, как другое название для самих предметных областей наук, взятых со стороны их логической всеобщности.

Показательна в этой связи даже первая среди приводившихся цитат из Ландгребе: из нее видно, что проблематика региональности уже у Гуссерля вводится, исходя из проблематики обоснования позитивных наук, а регионы оказываются предельными предметными областями нефилософских наук.

Косвенным свидетельством «неестественности» различения регионов сущего является и то, что, несмотря, казалось бы, на стихийно-исторически сложившееся и фактически существующее разделение регионов, феноменологи так и не смогли дать единой и лишенной упущений классификации регионов сущего, а также способов их корреляции, порядка их фундирования. Так, у Гуссерля в «Идеях II» выделяется три региона — и это различие тоже составляет предмет пристального внимания Ландгребе²⁹ — неживая природа, живая природа и дух. Хайдеггеровская классификация более дифференцирована, если здесь вообще можно говорить о какой-то единой классификации регионов сущего, принципом которой выступало различие способов бытия. Тем не менее можно вполне зафиксировать, что в разных местах своих работ этот философ выделяет различные регионы: природу как наличествующее (хотя вопрос о региональности наличности и подручности, повторим, остается открытым), жизнь, историю, математические объекты как существующие по способу постоянства, человеческое *Dasein*, существующее по особому способу — экзистенции. Видимо, список регионов у Хайдеггера этим не исчерпывается, как, возможно, и то, что среди приведенных областей оказались и области, не являющиеся регионами в строгом смысле.

Разумеется, все эти вопросы можно было бы оставить в стороне как скорее схоластические, чем содержательные, могущие иметь в лучшем случае лишь дидактическое значение. Но дело обстоит иначе, поскольку это тот случай, когда форма может задавать известное изменение в содержании. Проблема различия регионов имеет прямое отношение к проблеме внутренней архитектоники философского знания, к порядку его тем, а также к проблеме возможности осмысленного соотношения философии и нефилософских наук. И у Гуссерля, и у Хайдеггера технически такая зависимость фиксируется посредством понятия *regio-*

²⁹ А *proros* в качестве одного из наиболее разработанных примеров классификации регионов сущего в философии Ландгребе видит ставшее знаменитым учение Н. Гартмана о слоях бытия. С этим невозможно не согласиться с той только оговоркой, что здесь также нужно видеть не эмпирическое учение об уже имеющихся областях, а онтологическое обоснование, связанное с проблематикой различия способов бытия и бытийных моментов, разработанное Гартманом.

нальной онтологии. У первого региональные онтологии как онтологии материальные служат дополнением формальной онтологии как учения о «предмете» вообще, у второго — дополнением фундаментальной онтологии как учения о смысле бытия. К сожалению, объема статьи недостаточно, чтобы детально проанализировать данное понятие. Пока, пожалуй, достаточным будет сослаться на третью главу четвертого раздела «Идей I»³⁰, а также на крайне редко в программном отношении оцениваемый по достоинству § 3 «Бытия и времени»³¹.

³⁰ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. § 146–153. С. 313 и сл.

³¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. § 3. С. 8 и сл.